

DOI 10.24411/9999-001A-2019-10051
УДК: [398.32+398.4]

О.В. Голубкова
Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск)
Olga-11100@yandex.ru

Мифологизация места: актуализация сакральных символов у потомков переселенцев из Полесья и южнорусских губерний в Западной Сибири

Аннотация

В статье представлены результаты анализа полевых материалов, раскрывающих тему актуализации сакральных символов ландшафта у потомков переселенцев начала XX в. из Полесья, Курской и Пензенской губерний. На примере мифологических представлений, о необычной местности (где люди встречали нечистую силу, попадали в иной мир), которые отличаются высокой степенью сохранности и продолжают развиваться, сделан вывод о том, что глубина архетипических представлений о ином мире обеспечила жизнеспособность связанных с ними символов и отобразилась в новых сюжетах несказочной устной прозы.

Ключевые слова: мифология, иной мир, сакрализация ландшафта, полевые исследования, мифотворчество, нечистая сила, Полесье, Западная Сибирь, Маслянинский район Новосибирской области

O.V. Golubkova
Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk)
Olga-11100@yandex.ru

Mythologization of the terrain: the actualization of sacred symbols of the descendants of migrants from Polesye and the southern regions of the Russia in Western Siberia

Abstract

The article deals with the results of the field data analysis that reveal the actualization of the sacral symbols associated with the landscape among the descendants of migrants from the beginning of the 20th century from the Polesye and southern (Kursk, Penza) provinces of the Russian Empire. Mythological representations about unusual terrain, where people met with evil spirits, got into another world, were recorded in the Maslyanino district of the Novosibirsk region. The stories are highly preserved and continue to evolve. It is proved that the depth of the archetypical ideas about the other world has ensured the viability of the symbols associated with them. The plots are actively reproduced in new folklore texts about the terrain.

Keywords: mythology, another world, sacralization of the landscape, field studies, mythopoetry, evil spirits, Polesye, Western Siberia, Maslyanino district of the Novosibirsk region

В 2016 и 2018 гг. в Маслянинском районе Новосибирской области проводились полевые исследования, основной целью которых было выявление локальной специфики мифологических представлений о природных и освоенных локусах у потомков полесских и южнорусских переселенцев. Задачи заключались в определении степени сохранности народных верований и их актуализации в современных условиях, а также в выявлении и последующем анализе ряда символов и знаков, закодированных в текстах несказочной устной прозы.

Осмысление символов, лишенных эмблематичности, например мифов, религиозных практик, ритуалов, обычаев, художественных образов, эффективно в этнокультурном контексте. При исследовании символов и знаков как элементов и инструментов культуры, важным моментом является то, что символами могли стать любые предметы, даже часть ландшафта – почитаемое место [Майничева, 2017, с. 88–89].

Для решения поставленных задач наибольший интерес представлял полевой материал авто-

ра (ПМА), полученный в селах Пряmsкое, Борково, Мамоново и деревне Петропавловка. Здесь была записана серия нарративов о необычных (наделенных магическими характеристиками, «волшебных») местах. Большинство из них — это истории о локусах, где можно было встретить представителей иномира, где с людьми происходили рационально необъяснимые события, где что-то чудилось, казалось, «блуждалось», где люди могли заблудиться и погибнуть, где возникала тяга к самоубийству. Были также зафиксированы легенды, объясняющие вероятные причины «аномальных» особенностей данной местности.

В селе Пряmsкое и деревне Петропавловка живут потомки переселенцев из Полесья: Черниговской губернии, деревень Брянской (села Буда, Струговская Буда), Курской (Белгородский уезд) губерний, а также из Белоруссии (Гродненская, Могилевской губерния), прибывших в Николаевскую волость Барнаульского уезда Алтайского горного округа в 1909–1912 гг. (согласно сведениям, полученным

д.и.н. Е.Ф. Фурсовой [2011, с. 304], а также ПМА, 2016). В селе Мамоново, возникшем в XVIII в. (по неофициальным данным, в 1721 г.), дисперсно проживают русские: сибиряки-старожилы и новоселы — представители этнолокальных групп из различных губерний России, обосновавшихся здесь в начале XX в. До середины XX в. село состояло из нескольких «краев», где компактно проживали старожила и переселенцы-земляки (вятские, пензенские, курские и т.д.). Позже село значительно увеличилось за счет мигрантов из соседних селений, а население смешалось. Информантами в Мамоново были потомки переселенцев начала XX в. из Пензенской и Курской губерний (ПМА, 2018). Село Борково, основанное в конце XVIII в., также является смешанным по составу этнолокальных групп населения. Здесь проживают русские старожила, выходцы из Пермского края, Вятской, Курской, Тамбовской, Брянской, Черниговской губерний и других мест (ПМА, 2016). Наибольший интерес представляли сообщения информантов, родители которых были уроженцами Черниговской губернии.

Анализ полевого материала выявил особенности мифологических представлений полесских и южнорусских переселенцев, которые отличаются высокой степенью сохранности народных верований, восходящих к дохристианским воззрениям. Люди нескольких поколений на протяжении более ста лет продолжали и еще продолжают воспроизводить легенды и былички, сюжеты которых близко повторяют нарративы Полесья — обширного региона, охватившего две белорусские области, — Брестскую, Гомельскую; шесть украинских областей: Волынскую, Ровенскую, Житомирскую, Киевскую, Черниговскую, частично Сумскую; а также отдельные районы Брянской области России. Этот регион отличается особым этнокультурным колоритом, который этнографы и фольклористы называют «славянским этнографическим заповедником».

Трудами археологов были доказаны относительная древность и устойчивость славянского населения Полесья, прежде всего в его западной части. Данные антропологических исследований 1970-х гг. выявили ряд признаков, которые позволяют отделить население полесской зоны от белорусских и украинских территорий. Этнографические работы в области материальной культуры этого региона выявили границы, отделяющие полесскую территорию от остальных, а также устойчивые внутриволесские диалектные границы [Виноградова, Левкиевская, 2010, с. 9–11]. На основе материалов Полесского архива Института славяноведения РАН была написана целая серия трудов, в которых определены архаические компоненты в народных верованиях этого региона [Виноградова, 2000; Виноградова, Левкиевская, 2010, 2012, 2016; Толстой, 2003; Толстая, 2005 и др.]. «Полесская традиция до самого последнего времени прекрасно сохраняла в себе многие архаические элементы славянской культуры, полностью или частично утраченные в других регионах» [Виноградова, Левкиевская, 2010, с. 8]. Аналогичная ситуация относится и к потомкам переселенцев из Полесья в Маслянинском районе: «Здесь сложилась целостная система календарных обычаев и обрядов со всеми взаимосвязями составляющих элементов <...>, которая все эти годы поддерживалась межпоколенной передачей тради-

ций» [Фурсова, 2011, с. 304].

Южнорусские области также ярко выделяются народными верованиями, содержащими компоненты языческих воззрений, которые отображены в трудах этнографов и фольклористов [Агапкина, 2002; Власова, 1998 и др.]. Мифопоэтические воззрения и обряды проникали в Сибирь вместе с мигрантами и сохранились в памяти их потомков [Любимова, 2004, с. 30–33; Фурсова, 2017, с. 49–58]. Мифологические регионы, характерные для «материнских» регионов, переносились на сибирскую почву и обрастали легендами, обретая символику, свойственную мифоритуальному комплексу южных и юго-западных регионов России (включая Полесье). Истории, записанные у потомков курских и пензенских переселенцев в Мамоново, повествуют о мистических событиях, якобы происходивших как с жителями этого села, так и о «чудесах», случавшихся с их соседями из Борково, Петропавловки, Малой Томки, а также из сопредельных деревень Черепановского района — Бураново и Ясной Поляны. Данная местность характеризовалась информантами как территория, где нередко происходили необычные явления inferнального свойства, где можно было повстречаться с *нежитью* или перейти границу «того» и «этого» света, попасть в иной мир.

Географически перечисленные селения расположены на юго-западе Маслянинского района, в долине реки Бердь, правого притока Оби. Местность изрезана мелкими речками: Прямая, Каменка, Амбарка, Кривая, Укроп, Топкая, Юдиха, Стримигулька, Еловка, Игнашиха, Непро, Бухтуйка, Песьянка, Талица, Петушиха, Зырянка, Травянка, Батунка, Мамонка, Землянуха, Прямушка, Шемонаиха и др. Здесь много стариц, некоторые участки заболочены. Можно сказать, что ландшафтная ситуация напоминает реалии Полесья, откуда происходило переселение значительной части респондентов. Вероятно, этот факт послужил основанием для выбора мигрантами данной территории.

К югу и юго-востоку от деревни Петропавловка, за речкой Укроп, находится рям — топкое место, которое называют *Волчий лог*, *провал* или *провалье*. Об этом месте было рассказано больше всего мистических историй, повествующих о событиях, происходивших в течение века — от начала XX до начала XXI вв.

Есть Волчий лог, там провал, там люди блудят. Жила здесь бабка, давно было, когда моя мама еще девушкой была, дружила с моим отцом. Отец ей рассказывал, что спал на сеновале и однажды перебрал страху. Где Волчий лог, там озеро и речка Укроп в него втекает, за речкой и озером начинается провалье, прямо рядом с деревней. Там был мостик через речку. Отец среди ночи проснулся и пошел в ту сторону, будто его что-то поманило. Подходит к реке, смотрит, а там соседка в белой рубашке стоит на мосту, волосы распущенные. Стоит и улыбается, говорит: Хочешь со мной пойти? Он испугался и в речку сиганул. А когда вылез, ничего уже нету. Соседка-то старуха, а на мосту стояла перед ним молодая. Как завывали собаки по всей деревне и исчезло это наваждение. Он потом спросил соседку, что она так, а она сказала, что на нее что-то находит, сама себя не помнит, что делает (ПМА: д. Петропавловка, 2016). У нас за деревней есть место Волчий лог, туда

ходить страшно, можно не вернуться. Пошла я по грибы, иду, собираю. Там грибов видимо-невидимо, туда ведь никто не ходит. Я набрала грибов и поняла, что не знаю, в какую сторону домой идти. На одном месте кружила, не знаю, куда идти, не знаю, где я. Слышу, собака лает, где-то высоко-высоко. Позвонила соседке (соседка была охарактеризована как «знающая» женщина, умеющая ворожить и колдовать — О.Г.), она сказала, что будет за меня молиться, чтобы вывести. Поехал за мной сын. Я кричу, он меня не слышит. Сын стреляет фейерверками, а я их не вижу и не слышу. Вокруг папоротники, видно старые дома сгнившие. Когда-то там жили люди, староверы или еще кто. Я вспомнила, что если заблудился, то нужно одежду наизнанку выворачивать. Я разделась, всё вывернула, сапоги переобула с одной ноги на другую. Высыпала все грибы, которые там насобирала. И пошла вперед, а куда идти, в какой стороне деревня, я не знаю. Иду и слышу, будто голоса меня зовут, а слов, не разобрать. И мелодично так, будто в церкви поют. Я на эти голоса иду и вышла к деревне, там меня уже все ищут, встречают (ПМА: там же).

Волчий лог и его окрестности стали местом, где локализовались типичные представления о глухих, заболоченных территориях, которые повсеместно считались гиблыми местами и обиталищем нечистой силы. В восточнославянской традиции наиболее широко распространен тип быличек о том, как некто встречается путника (обычно ночью) и ведет его за собой, а затем исчезает, в результате чего путник оказывается в непроходимых местах. Известны также рассказы о музыканте, который по приглашению неизвестных играет на свадьбе, а после пения петухов обнаруживает, что сидит в болоте [Славянские древности, 1995, с. 197–198, 228–229].

Там, где провал, когда-то было болото, потом оно пересохло. Слышно, как под ногами чавкает. Там нечистая сила водится (ПМА: д. Петропавловка, 2016). В той стороне (показывает в сторону д. Петропавловка — О.Г.) есть провал, гиблое место. Если попадешь в провал, тебя там кто-то водит. Ушла одна бабка, ее три дня водили (ПМА: с. Мамоново, 2018). Были еще две бабы. Ушли в лес, в сторону провалья, и заблудились. Просидели на ведрах до утра, а оказалось, что рядом с домом были (ПМА: с. Прямское, 2018). Жил в Борково музыкант, играл на гармошке и на скрипке. Однажды пришли к нему незнакомые люди и пригласили его на свадьбу поиграть на скрипке. Он согласился, его посадили в повозку и увезли. Он играл всю ночь, свадьба гуляла. А как только петухи запели, он видит, что сидит на болоте, на кочке. Его на болото черти уволокли, едва живой остался (ПМА: д. Петропавловка, 2016).

Суточным временем появления многих мифологических персонажей Полесья (таких как русалка и др.) считалась не только полночь, но и полдень, а также моменты восхода и захода солнца. В большинстве полесских рассказов встреча человека с русалкой происходила в дневное время [Виноградова, Левкиевская, 2012, с. 531–532]. В быличках, записанных в Маслянинском районе, встречи с русалками и другими представителями иномира происходили как в темное, так и светлое время суток, часто — в полдень. Такие представления характерны для полесских переселенцев и редко встречались

у других восточнославянских локальных групп в Западной Сибири (ПМА). Работала мама в поле под Прямским, там был у нее балаган (землянка — О.Г.), меня маленькую с собой брала. Ровно в полдень видим — едет всадник на красивом гнедом коне. Хвост пушистый, тянется до самой земли. Красивая уздечка. Сидит всадник в шляпе, сам весь красивый, стройный. Сидит молча, на нас не смотрит, проскакал мимо и поехал в болото. А чего он поехал в болото? Не человек это был, нежить (ПМА: д. Петропавловка, 2016). За селом есть старицы, в них вода прозрачная, очень чистая, но брать её нельзя. Там русалки живут, они в самый полдень из воды показываются, их там многие видели (ПМА: с. Прямское, 2016).

За Волчьим логом, согласно неподтвержденным данным, находилось старообрядческое поселение. Вероятно, замкнутость и отличающийся уклад жизни староверов породили рассказы, приравнивающие их к представителям иномира, а деревня воспринималась как иная реальность или мираж. За провалом есть деревня староверов. Там все ходят в рубищах, света нет. Деревня от мира спрятана, никто про нее не знает. Только те, кто в провале блудил, попадали в эту деревню, видели тех людей. Люди там неприветливо смотрят, чужим не рады. И на порог дома не пустят, слова не скажут. Молча покажут, в какую сторону идти. Кто был там, сами не знают, на самом деле деревню видели или всё только приморочилось (ПМА: д. Петропавловка, 2016).

Информанты характеризовали местность, где живут, как необычную, где могли происходить чудесные, иррациональные события. Места здесь необычные, много странного приключается (ПМА: д. Мамоново, 2018). Попадая в провал, оказываешься в другом месте. А может быть, и в другом времени (ПМА: д. Петропавловка, 2016).

Широко распространенные в Полесье представления о «ходячих» покойниках и близких им персонажах [Виноградова, Левкиевская, 2012, с. 15–465] активно воспроизводятся и в Маслянинском районе. Типичным местом, где можно повстречать этот вид нежити, считалось кладбище. На кладбище здесь тоже что-то чудится. Пошла я на могилу сестры. Не в родительский день, когда все ходят, а в годовщину смерти, хотела её на могилке помянуть. На кладбище в такой день никого не бывает, я одна иду. Вдруг вижу, около могилы сестры сидит бабка с распущенными волосами. Глаза лупатые, смотрит на меня. Я перекрестилась, бабка мне погрозила пальцем и исчезла, как под землю провалилась (ПМА: д. Петропавловка, 2016). Мимо кладбища страшно идти, можно мертвеца встретить. Особенно, если недавно похоронили того, кто умер от нечистой смерти — самоубийца или пьяница. Такие мертвецы вылазят из могил и пугают, пока им кол в могилу не воткнут (ПМА: с. Борково, 2016).

В Петропавловке была записана легенда (повторенная тремя информантами) о кровавых событиях, происходивших в начале XX в., в первые годы существования деревни. По мнению респондентов, братоубийство одного из основателей деревни является причиной того, что местность стала проклятой. Жили здесь до революции четыре брата, из России приехали. Три брата убили своего старшего брата из-за земли. Позавидовали, что его надел был луч-

ше, чем у них. Сговорились своего брата убить, а землю его разделить между собой. Били его коллективно, вместе с женами, забивали жестоко. Он, умирая, проклял их род и всю эту землю. Поэтому здесь сдаётся. Это значит чудится, нечистая сила показывается (ПМА: д. Петропавловка, 2016). Результатом проклятия считаются самоубийства, происходившие в деревне в 1990-е — 2000-е гг. Петропавловка деревня проклятая. Очень много людей повесились, все молодые. Что-то здесь нехорошее ходит (ПМА, там же). Другой сюжет относит проклятие местности к советскому периоду и причиной суицидов называет убийство священника. В Борково была церковь. Там убили батюшку, в 1958 или 1959 году, прямо в самой церкви. Когда убивали, он сказал, что в деревне будут все вешаться, топиться и убиваться (ПМА, там же).

Еще одной причиной, объясняющей проклятие здешних мест, называли непогребенные захоронения убитых. Земля здесь проклятая, люди прокляли эту землю. Еще когда здесь не было деревни, на этом месте проходила дорога через лес. На этой дороге были разбойники. Может быть, кого-то убивали, здесь же закапывали убитых, не хоронили по христиански. Поэтому вся деревня проклятая. Очень много людей повесились, молодые. Что-то здесь нехорошее ходит (ПМА, там же). Дед был партизаном, вместе с братом. Шли белогвардейцы, колчаковцы. Брату отрубили голову и запретили хоронить. И таких могил здесь было много, когда не хоронили по христиански (ПМА, там же).

Итак, у потомков выходцев из Полесья и южнорусских губерний, переселившихся в начале XX в. в долину реки Бердь, не только хорошо сохранились традиционные народные верования, но и продолжали развиваться мифотворческие процессы, связанные с сакрализацией местности. Возможно, таким образом происходило включение территории в мировоззренческий комплекс, наполненный знакомыми персонажами и символами. При этом сакрализация часто имела негативный статус, как и в исходных регионах. Глубина архетипических представлений о параллельном, ином мире, вероятно, обеспечила жизнеспособность связанных с ними символов и отобразилась в новых сюжетах несказочной устной прозы — в нарративах о необычных, почти сказочных местах, где что-то чудится, где можно соприкоснуться с ирреальностью, попасть в иной мир.

Список литературы

1. Агапкина Т.А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. — М.: Индрик, 2002. — 816 с.
2. Виноградова Л.Н. Народная демонология и мифоритуальная традиция славян. — М.: Индрик, 2000. — 432 с.
3. Виноградова Л.Н., Левкиевская Е.Е. Народная демонология Полесья. В 4 томах: Публикации текстов в записях 80–90-х гг. XX века. — Т. 1: Люди со сверхъестественными свойствами — М.: Языки славянских культур, 2010. — 648 с.
4. Виноградова Л.Н., Левкиевская Е.Е. Народная демонология Полесья. В 4 томах: Публикации текстов в записях 80–90-х гг. XX века. — Т. 2: Демонологизация умерших людей — М.: Языки славянских

культур, 2012. — 800 с.

5. Виноградова Л.Н., Левкиевская Е.Е. Народная демонология Полесья. В 4 томах: Публикации текстов в записях 80–90-х гг. XX века. — Т. 3: Мифологизация природных явлений и человеческих состояний — М.: Языки славянских культур, 2016. — 832 с.
6. Власова М.Н. Русские суеверия. Энциклопедический словарь. — СПб.: Азбука, 1998. — 672 с.
7. Любимова Г.В. Возрастной символизм в культуре календарного праздника русского населения Сибири. XIX — начало XX века. — Новосибирск: Изд. ИАЭТ СО РАН, 2004. — 240 с.
8. Майничева А.Ю. Стратегии сохранения и актуализация символических систем в архитектуре и культурном наследии народов Сибири в XVII–XXI веков: к постановке проблемы // Баландинские чтения. — Новосибирск: Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств, 2017. — Т. 12. — № 1. — С. 88–91.
9. Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 томах. / под ред. Н.И. Толстого. — Т. 1. — М.: Международные отношения, 1995. — 576 с.
10. Толстая С.М. Полесский народный календарь. — М.: Индрик, 2005. — 600 с.
11. Толстой Н.И. Очерки славянского язычества. Сборник трудов. — М.: Индрик, 2003. — 624 с.
12. Фурсова Е.Ф. Этнокультурная специфика календарной обрядности российских переселенцев Присалаирья начала XX в. // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2010 г. Археология, этнография, устная история. — Барнаул: Изд. Алтайского пед. ун-та, 2011. — С. 303–309.
13. Фурсова Е.Ф. Южнорусские переселенцы Сибири: этнокультурная специфика и направления развития традиционной культуры в первой трети XX в. // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. — 2017. — № 4 (89). — С. 49–58.

References

1. Agapkina T.A. Mifoepicheskie osnovy slavianskogo narodnogo kalendaria: Vesenne-letnii tsikl. Moscow: Indrik, 2002, 816 p. (in Russ.)
2. Fursova E.F. Etnokul'turnaia spetsifika kalendarnoi obriadnosti rossiiskikh pereselentsev Prisalair'ia nachala XX v. In Polevye issledovaniia v Verkhnem Priob'e i na Altae. 2010 g. Arkheologiya, etnografiia, ustnaia istoriia. Barnaul: Alt. gos. ped. Univ. press., 2011, pp. 303–309 (in Russ.).
3. Fursova E.F. Juzhnorusskie pereselenicy Sibiri: jetnokul'turnaja specifika i napravlenija razvitiia tradicionnoj kul'tury v pervoj tretii XX v. Vestnik Rossijskogo fonda fundamental'nyh issledovanij. Gumanitarnye i obshhestvennye nauki, 2017, No. 4 (89), pp. 49–58. (in Russ.)
4. Liubimova G.V. Vozrastnoi simvolizm v kul'ture kalendarnogo prazdnika russkogo naseleniia Sibiri. XIX — nachalo XX veka. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2004, 240 p. (in Russ.)
5. Majnicheva A.Ju. Strategii sohraneniia i aktualizacija simvoliko-znakovyh sistem v arhitekture i kul'turnom nasledii narodov Sibiri v XVII–XXI vekov: k postanovke problemy In Balandinskie chtenija. Novosibirsk: Novosibirskij gosudarstvennyj universitet arhitektury, dizajna i iskusstv, 2017, Vol. 12, No. 1, pp.

88–91. (in Russ.)

6. Slavjanskije drevnosti. Jetnolingvisticheskiy slovar': v 5 tomah. / red. N.I. Tolstoj. Vol. 1. Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenija, 1995, 576 p. (in Russ.)

7. Tolstaja S.M. Polesskij narodnyj kalendar'. Moscow: Indrik, 2005, 600 p. (in Russ.)

8. Tolstoj N.I. Oчерки slavjanskogo jazychestva. Sbornik trudov. Moscow: Indrik, 2003, 624 p. (in Russ.)

9. Vinogradova L.N. Narodnaja demonologija i miforitual'naja tradicija slavjan. Moscow: Indrik, 2000, 432 p. (in Russ.)

10. Vinogradova L.N., Levkievskaya E.E. Narodnaja demonologija Poles'ya. V 4 tomah: Publikacii tekstov v zapisyah 80–90-h gg. XX veka. Vol. 1: Lyudi so sverh»estestvennymi svojstvami. Moscow: Yazyki slavyanskih kul'tur, 2010, 648 p. (in Russ.)

11. Vinogradova L.N., Levkievskaya E.E. Narodnaja demonologija Poles'ya. V 4 tomah: Publikacii tekstov v zapisyah 80–90-h gg. XX veka. Vol. 2: Demonologizacija umershih lyudej. Moscow: Yazyki slavyanskih kul'tur, 2012. 800 p. (in Russ.)

12. Vinogradova L.N., Levkievskaya E.E. Narodnaja demonologija Poles'ya. V 4 tomah: Publikacii tekstov v zapisyah 80–90-h gg. XX veka. Vol. 3: Mifologizacija prirodnyh yavlenij i chelovecheskih sostoyanij. Moscow: Yazyki slavyanskih kul'tur, 2016, 832 p. (in Russ.)

13. Vlasova M.N. Russkiesueveria: Entsiklopedicheskiy slovar'. St. Petersburg: Azbuka, 1998. 672 p. (in Russ.).

Список сокращений

ПМА — полевые материалы автора